

Она — Поэзия, муза Санкт-Петербурга, влюбленная женщина. Он — Поэт, дух Санкт-Петербурга, влюбленный мужчина. Враг — бес-искуситель, в разных личинах. Основное действие происходит во сне. Смены сцен и лиц героев происходят без объяснения причин.

I

Поэтический сон... Рифмы-крыши во сне встрепенулись,
разложили проспекты листы городских площадей.
Шпили башен в чернила Невы, не спеша, окунулись...
и стихи потекли — про несчастья и счастья людей.
Их читали мосты, сокрушаясь и радуясь вместе
с куполами церквей, отражая невидимый свет.
Летний сад рассказал своей Зимней канавке-невесте
о прекрасной любви... по прошествии тысячи лет.
Зазвонили трамваи, с ночными собаками споря,
кони вздыбились, им не впервой отбиваться от рук.
Зашептал Эрмитаж, строкам слышимым истоиво вторя,
завучал над садами высокий таинственный звук.

II

Бриз балтийский его, не сумев заглушить, увеличил...
до небесных высот вознеся, чтобы слышали все.
Поэтический сон Петербург воспевал и величил,
над землею по взлетной стараясь взлететь полосе.
Не взлетел, опоздал... Амальгама зеркальных каналов
удержала в себе отражения будущих встреч.
Завязалась игра между ритмами строгих порталов
и катренов стихов, предназначенных время стеречь.
Заигрались поэзией мытые ливнями плиты

мостовых, в перекрестках меняющих векторы снов.
Парапетов и набережных молодые граниты
Приумолкли и ждут... свежих, метко расставленных слов.

III

Вдохновения линия пересеклась с перспективой
не уставшего Невского всех выводить на простор
главной площади города, необъяснимо красивой,
разрешающей давний — барокко и классицизм — спор.
Разлетелись огромною стаей поэзии ленты
голубей... На карнизах присели, вдали от земли.
Поэтический сон, из реальности выбрав моменты
Петербург с невозможным смешал... и растаял вдали.
Чтобы где-то соткаться из нитей смещенных событий,
побывав от земли на седьмом временном этаже...
Петербург не родился бы без отвлеченных наитий.
Вот родился... и вырос, и молча стареет уже.

IV

Он как опытный мэтр зарифмует дожди с облаками,
если нужно добавит в строку ассонансной воды.
Он на стрелке Васильевского, обращенными к небу руками
оставляет Ростральных колонн световые следы.
Здесь кривая подковы, спасающей воду от суши
спит и видит во сне наводнений подводную суть.
Два гранитных мяча, сохранив обреченные души,
покорили Неву, чтобы вдруг на волне не уснуть.
Поэтический сон, пробежав полукругом газона,
словно хрупкая девушка утром в спортивном трико,
подвизал на трезубец Нептуна, у Биржи фронтона
ожидания вечной любви, унесенные сном далеко.

V

Он пришел проводить угловатые льдины в века,
ледоход на Неве — календарного пика примета.
Под мостом исчезали прохладного дня облака,
Петербург открывался и ждал не прохладного лета.
Стометровый собор, опрокинутый вниз головой
под фасады Английской, смущенные дерзостью века,
заглянул... покачал на волне золотою главой
и уснул среди дня, позабыв про дела человека.
Проносились машины, художества силясь разъять,
под Минервой на куполе грелась в искусстве весна.
Бородатый художник с этюдником холст разлучать
передумал внезапно... когда появилась Она.

VI

Что птицы пьют зимой, когда вода замерзла?
Об этом думал мокрый Он, под зонт не прячась от воды.
Над городом весна с утра туч недра черные разверзла
и поливала, не скупясь, проспекты, площади, сады.
Лес ионических колонн в продольных, мелких каннелюрах
под музыку небесных струй играл в линейный водопад.
Кутузов и Барклай-де-Толли, навек застывшие в скульптурах,
отечество уберегли... не ради славы и наград.
Собор Казанский обхватил раскрытой в небо колоннадой
огромную пространства часть, в слезах заснувшую вчера.
Дом Зингера с большим орлом, с прозрачной башнею-громадой
был озабочен лишь одним — продажей книжного добра.
Он под дождем хотел найти знакомый образ... На канале,
заглядывал в метро, в такси, в дом Зингера с угла зашел.
Хотел Ее увидеть вновь — на улице, в торговом зале...
Ходил-бродил, искал-грустил... Надеялся... Но не нашел.

VII

БКЗ, упразднив, разнесли, как недавно «Россию» в Москве,
город ждал перемен, возрождения Греческой церкви.
Он по Лиговке медленно шел, предаваясь любовной тоске,
фонари у вокзала на Знаменской медленно меркли.
Ленинградский в Москве и Московский вокзал — близнецы по отцу,
между — кроме железной дороги — секретная связь.
Не вождя — оказалось — Петра бюст Московскому больше к лицу...
Гомонили таксисты, приезжих везти торопясь.
О прибытии голос, железом скрипя, объявил,
сигаретный окурочек с искрой полетел из окна.
Никогда никого — как Ее — Он еще не любил,
не Ее ждал сегодня... А вышла навстречу Она.

VIII

Он признался... Она, не присев на пустую скамью,
поплыла в направлении, заданном жестом поэта.
Голубей разогнав шумно-крылых большую семью,
Он за ней поспешил, ожидая простого ответа.
За деревьями Русский музей желто-белым парил,
перед ними гремели движками машины-ракеты.
Клоун в маске, с детьми забавляясь, прохожих дурил,
из «Бродячей собаки» толпой выходили поэты.
Кто-то в рифму читал про надежных друзей и подруг,
кто-то слушал восторженно, радостью чувства встречая.
На огромной длины поводке чей-то преданный друг
бороздил по кустам, как обычно маршрут помечая.

IX

Когда под утренний туман пробился миг восхода солнца,
и невский воздух распрощался с гудком последним корабля,
Он отворил в огромный мир свое мансардное оконце
и обнаружил в перспективе, что белым светится земля.
Позавтракав в кафе омлетом, взбодрившись черным, крепким чаем,
Он в чисто вымытый троллейбус на первой линии влетел.
Три поливальные машины, все понимания за краем
оставив... мыли мыльной пеной асфальт до блеска — он блестел.
Кораблик на Адмиралтействе поймал нитеобразный лучик
под парус, золоченым боком его лениво отразил.
Сломался луч, на правый берег, используя удобный случай,
перелетел, вскочил в троллейбус... Его внезапно ослепил.

X

Она кораблик развернула, во сне кружась над острой шпагой,
луч переправила к фонтану, разбила в радугу над ним.
Спустилась... сон с себя стряхнула, умылась разноцветной влагой
и стала молча ждать свиданья... как договаривалась с Ним.
Они гуляли по дорожкам... Он не решился снова ставить
вопрос под сенью сна деревьев... Остановились у Петра.
Могучий конь терзал копытом змею, готовую ужалить
Петр руку простирает над миром и суетой забот утра.
— Тому, кто смог в меня войти, обратно в мир уже не выйти!
Готов пожертвовать свободой? Покой оставь навсегда?
Он без смущения, серьезно, остерегаясь мыслей прыги,
ответил, взглядом улыбнувшись: — Готов, конечно! — Значит, да!

XI

Кто пережил мгновенья счастья, тот знает, как это бывает...
как убыстряется ток крови, и частым делается пульс.
Как над землей, забыв про тело, душа распахнутой взлетает
и где-то там, под облаками, трепещет на ветру, как гюйс.
Кто без сомнений согласился на путь труднейший и тревожный,
готов в неведомом, далеком искать поэзий жемчуга...
тот должен помнить — из историй — закон, как будто непреложный:
играя в неземное счастье, жди козней на земле врага.
Он не заметил, как злорадство преобразило глаз змеинный,
как камень-гром заколебался, и Петр привстал на стременах,
как изменились птиц движенья и говор сонный голубиный,
как задрожали в окнах тени, и смял траву холодный страх...
Они взлетели над Сенатской, достигли высоты зенита,
вниз с восхищением всмотрелись — в любимый городской простор.
Их окружала, не рифмуясь, свободных рифм большая свита...
Он записал на тверди неба любви жестокий приговор.

XII

Санкт-Петербурга эволюций не обойти вниманием прессе.
Он то лиричен, то логичен, то театрально-простоват,
То он бунтарь с тяжелым шагом, то легок в самом легком весе...
И скромнен до уничиженья, когда ему кричат: Виват!
Всю ночь под рынды караванов хор иностранных интонаций
ему пытался под давлением чужие воли навязать.
Он на Неве за три столетия провел так много навигаций,
что не боялся быть собою... и никому не подражать.
Мост Большеохтинский под утро, свой разводной пролет устроив
в горизонтальном положении, собой два берега связал.
Хрусталь воздушных ожерелий, в воде пространственно удвоив
он слово — не учтя советов — о городе свое сказал.

XIII

Родился текст большой поэмы... Она перечитала дважды,
сказала — что не так, где плохо, что нужно править, что менять.
Он, одержимый вдохновением, томимый стихотворной жадной
писал еще — она читала... Как в этом состоянии спать?
А город спал, перед рассветом совсем по-детски безмятежно...
Лишь огоньки такси мелькали, день к ночи приближая... Не
спалось десятерым атлантам, держащим небеса прилежно
уже не первый век... Дремала река в туманной пелене.
Он, наконец, устал... сложились листы фантазий, ночь сомлела,
с пера в чернильницу слетели две капли призрачных чернил.
Она чернильницу закрыла, его своим теплом согрела.
Уснула тоже... На востоке в полоску неба день светил.

XIV

Театра явь вечерним ветром сдувает пыль души дневную,
острит притушенные чувства, сознания убыстряет бег.
Театр уводит в перспективу — пространственную, временную,
грустит и плачет, веселится, мечтает громко, любит всех...
Антракт... Она осталась в зале, Он вышел покурить один —
Стоял-мечтал, искал знакомых, лепнину изучал в фойе...
Заметил, как из темной ложи на свет явился господин,
одетый по последней моде, в известном всеми ателье.
Франт подошел, склонился к уху, как заговорщик зашептал:
— Я ваш! Вы дивный мастер слов поэтических игры!
Я не поклонник Каллиопы, но плакал, когда вас читал!
Я в высший свет вас проведу... хоть в королевские дворы!

XV

Он молча слушал незнакомца — глазам, ушам своим не верил,
Морозом жгучим спину, плечи сковал животный, липкий страх.
В зрочках врага — как в бездну ада — двойные открывались двери...
Он мял программку постановки, как будто не в своих руках.

Франт ждал решения поэта... Навязчивый и не свободный
третий звонок звенел, звенел... но был совсем не слышен им.
Дрожа в коленях, раскрасневшись — как человек совсем безродный —
кивнул в согласии поэт... Соблазн могуч, непобедим!
Себя одернув,— как от беса — он отскочил от театрала,
сказал: — Не нужно, это лишне... Надеюсь, вы меня простите?
Враг снова с приступом — открылся, сорвал с лица свое забрало.
— Моя визитка с телефоном... Не тороплю... Пока... Звоните!

XVI

В подсветке Невский театрален — как продолжение балета,
Здесь ароматы впечатлений свиваются в один букет.
Он изменился в этот вечер — возжаждал славы, звезд и света,
который высшим назывался, хоть в нем совсем ничтожный свет.
Она, конечно, постаралась Его настроя не заметить...
вела себя непринужденно, укрылась в головную боль.
Ей стоило больших усилий холодный взгляд любимых встретить
глаз... и войти искусно в, без чувства греющего, роль.
А Невский жил красивой жизнью — не уставал, не засыпая...
Неон реклам с неоном спорил преуспевающих витрин...
Машины шли, играя в фары, зевая ленивых подгоняя...
Бравурной музыкой прохожих звал каждый модный магазин.

XVII

Кто белой ночью не влюблялся в свет, исходящий отовсюду,
в мерцающий, воздушный абрис Александрийского столпа,
в свечение сквозь ткани неба едва заметных звезд... и в чудо
преобразования пространства, когда на мрак земля скупа?

Кто не желал душой открыться и свет в себя впустить, вдыхая
прохладный воздух, над Невою струящийся из-под зари?
Кто не любил сидеть на камне, ногами, как пацан, болтая.
Жалеть о том, что зря при свете горят ночные фонари?
Она уставшая бродила всю ночь по набережным сонным,
стояла у воды, пыталась связать любовью берега.
Она как мать Его любила... Выстраивала бастионы
защиты от нападков дерзких, злом одержимого врага.

XVIII

Слова неслись метельным вихрем, Он сочинял, не сочиняя.
Слова цеплялись за бумагу и исчезали в пустоте...
Он, не спеша, не паникуя, свободы слов не умаляя,
писал о горе человечьем и неисполненной мечте.
Еще писал о высшем счастье, которое любовь сулила,
о долге, преданности, славе... о достижениях в борьбе.
Луна холодной зимней тайной Его безудержно манила.
Он верил в свои силы, знаки, пророчества... своей судьбе.
Его открытиям успешным не уставали удивляться

филологи, искусствоведы, поэты, критики и проч.
Восторгом публики согретый, Он был готов не расставаться
с пером, свечой, окном, бумагой... Боготворил луну и ночь.

XIX

Он победил болезни сердца и светом был с триумфом встречен —
о нем писали и судили, в эфиры звали и в кино,
считались с мнением, просили писать еще... Неужто вечным
стал временный союз со славой?.. Им было все поглощено.
Свет возносил Его над миром... Над крышами и куполами,
над ангелом на тонком шпиле, над телебашней городской.
Льстил тайно в мыслях и публично, играя ложными словами,
лишил его опоры веры, разрушил нравственный покой.
Он засыпал и просыпался с глубоким чувством оправдания
своих поступков, планов, стиля, холодной логики игры.
Она все видела, стремилась разбить внушенные желания,
он, защищаясь сторонился, в чужие забегал дворы.
Она не предала... С упорством, прессуя время перед встречей,
вела домашнее хозяйство, хранила рукописей свет.
Он приходил... обедал молча — не посвящал любимой вечер.
Писал стихи, как будто с нею не прожил трех счастливых лет.

XX

В один из дней, когда осенний спускается на землю холод,
когда листвою заносит быстро вдвоем пройденные пути,
Он вышел рано без напутствий, не утолив с любимой голод...
Вернулся поздно — пыльным, пьяным — и попросил ее уйти.
Она ушла... Как может дама себя навязывать кому-то?
Хоть даже родственному сердцу... Ушла ногами — не душой.
Осталась рядом... невидимой. Чтобы помочь ему... Как будто
предвидела, что будет трудно... Разлука кажется простой.
Она любила и страдала, хотело колесо фортуны
вспять раскрутить, чтобы вернуться обратно к счастью без измен.
Он с головой ушел в себя, не узнавал соседей... Струны
его души не пели — ныли... Он не заметил перемен.

XXI

Как быстро проигралась осень... бежит дорожка временная,
торопится успеть повсюду в заботах суетных народ.
Еще недавно расцветала черемуха в прохладах мая,
и вот уже октябрь прохладой упавший лист к газону жмет.
На лужах по утрам хрустящий — узорный, но не прочный — панцирь,
на ветках белоснежный иней — кристаллы солнечных лучей.
Прозрачный воздух чист до рези, и не зависит от дистанций
картинок четкость... Тлеют в окнах закатов тысячи свечей.
В стоячих водах отражения багряных кленов, серых ив
небес сменились отражением, запутанных в сетях ветвей.
В пруду Таврического сада остались зимовать, забыв

о теплом юге сотни уток... под взглядом местных голубей.
Она любила это время — предзимье, первые морозы,
бродила молча по дорожкам, бросала уткам сухари.
Конечно, без Него страдала, и волей сдерживая слезы,
ждала мгновенья — с темной грустью — когда зажгутся фонари.

XXII

Во сне гремели пушки гулко, дымки стелились над рекою,
на набережных музыканты творили музыку без слов.
Дыша морями, осторожно, скользя зеркальной водою
в Неву входил — как птица-лебедь — огромный парусник «Седов».
На реях юные матросы, летя над городом портовым,
фалы вязали, без страховки... и убирали паруса.
Барк ждали женщины, девчонки, отцы, друзья... Каким-то новым
он вновь зашел в столичный город. Пробили склянки полчаса.
Он встретил парусник в VIP-зоне, поймал его в видеоискатель
немецкой марки аппарата, нарисовал фото-портрет.
Один старейший, знаменитый, приятный на лицо писатель,
схватив Его рукой под локоть, торжественно увел в буфет.

XXIII

Там они выпили, вкусили заморских устриц и кальмара,
за город тосты возглашали и за бесстрашных моряков...
Затем ушли, забыв о барке, чтоб на скамеечке бульвара
поговорить о точных рифмах, о действии на свет стихов.
Поговорили, помечтали, по сигарете раскурили...
и разошлись, не обозначив ни действий, ни рифмовых сил.
Кварталы центра с ветром моря давно безудержно дружили,
приветливо встречали друга... Он чистоту с собой носил.
Сдувал с проспектов и бульваров автомобильный едкий смог,
свежил Санкт-Петербургский воздух, рябил широкую Неву,
в дни праздников играл флажками... и флагами большими мог.
Любил ласкать кварталов крыши, и в скверах редкую траву.
Он против ветра шел по пирсу, у Крузенштерна задержался,
в лицо всмотрелся адмиралу... Плащ хлопал полами, как флаг.
Зюйд-вест его насквозь продул... Он, наконец, себе признался,
что власть над ним незримо держит упрямый и надменный враг.
По линиям, делящим остров на одинаковые доли,
бродил он до луны восхода... К Неве вернулся — ветром стал...
Причальной стенкой пролетая и подчиняясь высшей воле,
решил искать то, что когда-то в порыве страсти потерял.

XXIV

Как много в Петербурге башен! Больших и маленьких... и средних...
Как часто солнце задевает какой-нибудь на башне шпиль...
Венчают башни перспективы широкие проспектов древних,
встречают первыми ненастья, и обожают полный штиль.
Под башней Думы можно думать, троллейбус взглядом провожая.

Под башней Водного музея толкает бочку водовоз.
Под башней Финского вокзала, об окаянных днях вздыхая,
в стеклянной призме просыпаясь, тоскует старый паровоз.
Его мансарда тоже с башней — пространства сильной доминантой.
Шпиль, словно пика, жить без неба не может — нечего колоть.
Под окнами в рельефах лепки висят красивую гирляндой
дубовые листы и маски, кирпичную скрывая плоть.
Она пришла под эту башню, чтобы помочь ему проснуться.
Наверх подняться не посмела, лишь постояла у дверей.
Взлетела в небо, чтобы ветру спасительному улыбнуться.
Он, вычищенный этим ветром, был всяких недругов сильней.

XXV

Снег выпал... Городское время вмиг стало чистым, серебристым —
на белых плоскостях пространства чернеет графика ветвей.
Он в Летний сад забрел случайно, дыша морозом золотистым,
остановился у решетки, как у — в прекрасное — дверей.
По снежным — в сводах крон — аллеям взгляд пробивался к перспективам
далеких регулярных парков, французских позабытых школ.
Он стал бродить, взбивать ногами снег, тихо следуя мотивам
боскетов, арок, пергол длинных... к Крылову медленно пришел.
Присыпанные снегом чаши барочных шахматных фонтанов,
вновь заколоченные в доски богов скульптуры и богинь
будили чувства отчуждения эстетов, красоты гурманов...
Он всматривался через ветки в космическую неба синь.

XXVI

Грозой разорванная ваза стояла вновь на постаменте —
не могут люди согласиться с уничтожением красоты.
Решетка сада ограждала — подобная узорной ленте —
часть обработанной природы от петербургской суеты.
В Михайловском душили Павла шарфом, под царской монограммой...
Не помогли ни ров с водою, ни факелы гвардейских рот.
Царь умер, чтобы силуэтом являться в окнах, под охраной
потусторонних сил... мальтийский законов утверждая свод.
Она скользнула тенью замка, монетой Чижика отметив...
Цирк звал ее войти огнями электросветовых афиш,
Манеж был строже... на Кленовой ее как будто не заметив,
вручил входной билет на вечер известного «поэта крыш».

XXVII

Он тихо спал, бесшумный Ангел слетел в его мансарду тайно,
устроился у изголовья, сложил — встряхнувши — два крыла,
вошел в его глубокий сон и прошептал, как бы случайно,
слова о скором примирении — которого Она ждала.
Как ей вернуться без призыва? Навязчивость не красит чувства.
Какими добрыми словами размолвку злую одолеть?
Шептал об этом Ангел тоже — его великое искусство

воздействия на ум способно заставить душу просветлеть.
Звонок будильника принудил Его открыть глаза, проснуться...
Он встал, упруго потянулся, взглянул в окно, увидел свет.
Санкт-Петербург хотел дымами замерзших облаков коснуться —
их отогреть... Он ждал подарков, наряжен был и придет.

XXVIII

Поэтический сон — на заснеженных крышах столетий...
Удивительный сон — из кристаллов искристого льда.
Петербург — это северный город холодных соцветий
мыслей, чувств, настроений... Сильна его воля, тверда!
Он не пустит на сцены бездарных и пошлых актеров.
Галерей не откроет пустым и холодным холстам.
Не позволит застроить себя без общественных споров.
Не изменит сияющим в солнечном ветре узорным крестам.
Новый год подошел незаметно, без помпы и шума —
как обычное дело... По белым полям площадей
разослав часовых, разукрасила старая дума
башню в робкое кружево белых и синих огней.
Елка выросла снова у здания Главного штаба...
Шесть коней колесницу несут в новогоднюю даль.
Предраассветный, морозный покой... Просыпается снежная баба,
кто-то бросил на плечи ее серебристую снежную шаль.

XXIX

На Рождество к собору Лавры они пришли скрипучим снегом...
Как много собралось людей... Родился Бог — народ ликует!
В храме поют, горят лампы, слова молитв неспешным бегом
слетают с уст... иконы в рамах огнем таинственным бликуют.
Они вошли в соборный разум, всю службу радостно пропели...
затем — Причастия Таинство... и целование руки.
За окнами на голых ветках вороны черные сидели —
не принимая веры в Бога — как старые большевики.
Рожденный Бог законы жизни в жизнь верных Богу воплощая,
внимал речам и поздравлениям, любил людей и их дела...
Он снова, уж в который раз, всем открывал ворота рая,
к ним по затоптанному снегу дорожка узкая вела.

XXX

Февральская метель кружила и останавливала время —
все перепуталось, играла ночная тень в дня белый свет.
Проспекты, площади, проулки свились в клубок... раздора семя
метель по свету разносила, мешала «да» со словом «нет».
В холодном вихре из снежинок, колючих и на все готовых,
сложился вдруг зловещий прищур, готового на все врага.
Он и Она, не испугавшись, с ним обошлись без участковых...
Он был решителен и ловок, Она — спокойна и строга.
Он применение насилия, не исключив из противления,

на злобный лоб печать поставил с коротким, емким словом «зло».
Чтобы о сущности врага, не допуская в ум сомнения
все узнавали сразу... чтобы добро росло врагу назло.
Метель лишилась сил, пространство над городом освободилось
от переменных настроений — пришло покоя торжество.
У храма Спаса на Крови ему и ей как будто снилось
чужое время, взрыв, карета... душ верноподданных родство.

XXXI

Санкт-Петербург, сияя славой, встречал весну любви — ликуя!
Дворцов искрящиеся окна, за стеклами — свечения люстр...
Решетки музыкой звенели... Пегасы, у дворцов гарцуя,
из камня выбивали рифмы... Плясали музы всех искусств.
Невой широкой пронеслись весенние, густые ветры,
делясь избытком силы жизни, будя дремавшие мосты...
Дома распахивали двери... такси мотали километры,
стремясь всем любящим доставить — к порогам — первые цветы.
Трамваи закружились в танго, сойдя с проторенных дорожек,
им дирижировало небо лучами солнечных высот...
Прохожие снимали шапки, скамьи стучали сталью ножек,
ритм отбивая... пели дети. Он облачился в редингот...

XXXII

Готовый к скачке между спицей и куполов столичных храмов,
с известием — с рожком почтовым — о наступающей весне.
Она задорно хохотала, забыв про боль недавних шрамов —
рубцов оставленных на сердце в добра и недобра войне.
Сон Питера разлился в воды рек и оттаявших каналов,
спиралью ввинчиваясь в небо, раздвинул ткани облаков...
Затих над Северной Пальмирой... Спускался во дворы кварталов,
стремясь покоя не нарушить трех бурно прожитых веков.

XXXIII

Таинственный мерцания шепот огней и зыбких отражений
стихал совсем, когда касался Невы холодный лунный свет.
Ночь, поэтической волей сотканная из искр-мгновений,
текла по круглой тверди неба, в обход проснувшихся планет.
Санкт-Петербург не ждал восстаний, погромов, новых революций,
не верил ложным обещаниям политиков... и всяких там...
Умом и верою рожденный, вне вихря мысли эволюций
себя не видел... жил культурой, был мудр не по своим годам.
Встряхнувшись от прохладной дремы и свету неба открываясь
великий город кровь по венам артерий-улиц разогнал.
Трамваи рысью побежали по звонким мостовым... Не знаясь
с автобусом, пустой троллейбус сигнал приветствия подал.

XXXIV

Все заспешили... На работу, по магазинам, на вокзалы —
встречать и провожать знакомых, командировочных, друзей...
Торжественных дождались тостов заиндевевшие бокалы —
на свадьбах, шумных юбилеях, под шелест рифм в сердцах людей.
Сон кончился... Явь просочилась сквозь силуэтов зыбких грани,
вступили в силу — утвердившись — законы светового дня.
Трепал балтийский ветер флаги, покой — перед рассветом — рани
не интересен стал... Минуты росли, секундами звеня.
В воспоминаниях лишь только остались: сонная мансарда,
Его стихи, Ее страдания, их на двоих один маршрут,
Санкт-Петербургские погоды, клены Таврического сада,
дворцы, дома, проспекты, кони, решетки... Смольный институт.